

О Н О Й Д А Х Ъ

У ДРЕВНИХЪ И СОВРЕМЕННЫХЪ ЛОПАРЕЙ.

Всякій, говорящій о современныхъ лопаряхъ, долженъ строго отличать двѣ главныя группы лопарей: скандинавскую и русскую. Различіе въ физическомъ типѣ представителей обѣихъ группъ, различіе въ языкѣ, въ образѣ жизни, въ нравахъ и обычаяхъ дѣлаеть невозможнымъ смѣшеніе этихъ обѣихъ группъ въ одну. Кромѣ того, отчужденныя въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ другъ отъ друга, обѣ эти группы, подвергаясь постепенному вліянію своихъ сосѣдей, уже въ силу того, что культуры этихъ сосѣдей были различны, должны были выработать каждая своеобразный типъ. Вотъ почему было бы крайне ошибочнымъ, говоря о современныхъ русскихъ лопаряхъ, навязывать имъ взгляды, нравы и обычаи ихъ скандинавскихъ сосѣдей.

Но если соединеніе современныхъ скандинавскихъ и русскихъ лопарей въ одну группу можетъ повести къ грубымъ ошибкамъ, то при описаніи лопарей древнихъ это не такъ, и это соображеніе не можетъ имѣть мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни отличались современные русскіе и скандинавскіе лопари другъ отъ друга, они, все-таки, являются лишь вѣтвями одного дерева, все-таки, родственны другъ другу, хотя вѣковая обособленность и различныя вліянія и должны были наложить не только на каждую группу, но даже почти на каждый погостъ своеобразный оттѣнокъ. Подобно тому, какъ различныя нарѣчія, которыми въ настоящее время говорятъ лопари, суть лишь развѣтвленія одного коренного лопарскаго языка, такъ и ихъ обычаи, записанные много вѣковъ до нашего времени, суть

лишь развѣтвленія, видоизмѣненія однихъ общихъ лопарскихъ обычаевъ. Поэтому, принимая свидѣтельства древнихъ писателей объ обычаяхъ лопарей, мы, относя эти свѣдѣнія и къ древнѣйшимъ русскимъ лопарямъ, не рискуемъ впасть въ слишкомъ грубую ошибку, предполагая, что и у нихъ встрѣчались тѣ-же обычаи и обряды, которые древніе писатели подмѣтили у современныхъ имъ скандинавскихъ лопарей, — и чѣмъ древнѣе писатель, тѣмъ вѣроятность грубой ошибки будетъ меньше. Конечно, въ частностяхъ мы всегда ошибемся, но самое основаніе, такъ сказать, духъ того или иного обряда, хотя бы и въ менѣ развитой формѣ, уяснится намъ и по отношенію къ древнимъ русскимъ лопарямъ. Естественно, что, говоря хотя бы о вѣрованіяхъ скандинавскихъ лопарей XVII вѣка, мы не можемъ лопарямъ русскимъ XVII же вѣка называть эти вѣрованія. Но безошибочно можно сказать, что въ основѣ и у русскихъ лопарей были тѣ-же вѣрованія, хотя, быть можетъ, и въ болѣе отдаленную эпоху, когда особенность лопарскаго племени не могла быть столь значительной.

Вотъ почему, говоря о *нойдахъ-шаманазъ* у древнихъ и о *нойдахъ-коллунахъ* у современныхъ лопарей, я считаю себя въ правѣ говорить о древнихъ способахъ колдовства, ссылаясь исключительно на источники, имѣвшіе въ виду лишь лопарей скандинавскихъ.

Можетъ, конечно, возникнуть вопросъ, для чего не говорить прямо о лопаряхъ русскихъ (древнихъ и современныхъ) и къ чему въ древнемъ періодѣ ихъ соединять въ одну группу съ лопарями скандинавскими? Такое соединеніе является необходимымъ въ виду того, что о древнихъ русскихъ лопаряхъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній, а современные воззрѣнія ихъ не могутъ быть поняты безъ взгляда на эпоху предшествующую, такъ какъ то, что уцѣлѣло теперь изъ древнихъ вѣрованій лопарей, является лишь жалкими обломками ихъ прежняго развитаго міросозерцанія.

Русскіе познакомились съ лопарями очень давно; уже въ XIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе о городахъ: Кола и

Терь: Христіанство среди русскихъ лопарей стало распространяться въ XVI вѣкѣ, но, не смотря на это вѣковое знакомство, у нашихъ писателей мы либо не встрѣчаемъ никакихъ свѣдѣній о лопаряхъ, либо находимъ свѣдѣнія лишь крайне отрывочныя, не могущія уяснить намъ представленій и міровоззрѣнія древне-русскаго лопаря. Лазарь Муромскій, встрѣтившій лопарей около Онежскаго озера въ XIV в., ограничивается лишь упоминаніемъ, что они „страшные сыродцы“ и „звѣроподобные люди“; а въ Соловецкомъ „Сады спасенія“ XVI в. читаемъ: „древле быша сіи вышерѣченніи родове (лопари), яко звиріе дивіе живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, неимущи ни храма ни иного потребнаго къ жительству человѣческому, но только животными питахуся, звѣрми и птицами и морскими рыбами, одежда же кожа оленей тѣмъ быша. Отсюда Бога истиннаго, единого и отъ него посланнаго Іисуса Христа ни знати ни разумѣти хотяху, но имъ же когда чрево насытитъ, тогда оно и Бога си поставляше, и аще иногда камнемъ звѣря убіетъ—камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое—палицу боготворитъ, еже и нынѣ въ самоѣдахъ зловѣріе закаменѣлое обрѣтается, еще и въ лопаряхъ отчасти“¹⁾. Естественно, что изъ подобныхъ свѣдѣній мы мало узнаемъ о лопаряхъ. Даже въ XVIII в. русская литература о лопаряхъ ограничивается переводами иностранныхъ писателей, навязывая такимъ образомъ тогдашнимъ русскимъ лопарямъ взгляды и обычаи ихъ скандинавскихъ сосѣдей. Въ виду всего этого, единственнымъ источникомъ, могущимъ освѣтить для насъ міровоззрѣніе древнихъ русскихъ лопарей, являются свидѣтельства современниковъ о лопаряхъ скандинавскихъ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ богатый матеріалъ: во всѣхъ древнихъ описаніяхъ шведскаго государства упоминается и о лопаряхъ, причемъ главнымъ образомъ обращалось вниманіе на ихъ образъ жизни и ихъ суевѣрія. Миссіонеры, объѣзжавшіе лопарскую

¹⁾ Дергачевъ. Подр. опис. Лопской земли въ Арх. Губ. В. 1869 г. № 64.

землю и описывавшіе ее, естественно, также главнымъ образомъ обращали вниманіе на ихъ вѣрованія, жертвенный ритуаль, суевѣрія и т. п. Съ XVI—XVII вв. когда христіанство стало распространяться съ бѣльшей силой среди шведскихъ лопарей, усиливается и количество данныхъ. Свѣдѣнія эти пополняются путешественниками (учеными и туристами), которымъ также послѣ внѣшней обстановки лопаря, его костюма и образа жизни бросаются въ глаза и ихъ суевѣрные обряды. Въ XVIII в. мы видимъ то-же самое. Благодаря этому обилію данныхъ, мы узнаемъ не только древнія вѣрованія лопарей, ихъ мѣологію, жертвоприношенія и пр., но можемъ также прослѣдить, какъ постепенно падало и разбивалось подъ напоромъ христіанства древнее міровозрѣніе лопаря. А такъ какъ примѣнительно къ *древнимъ* русскимъ лопарямъ, какъ я указалъ еще выше, мы можемъ пользоваться источниками, трактующими о лопаряхъ скандинавскихъ, то мы въ состояніи нарисовать себѣ на основаніи этихъ источниковъ хотя бы приблизительно вѣрную картину представленій древнихъ русскихъ лопарей.

Не останавливаясь на вѣрованіяхъ лопарей вообще, я коснусь лишь колдовства и колдуновъ. Эта сторона лопарскихъ вѣрованій, выразившаяся главнымъ образомъ въ шаманизмъ, стоитъ въ тѣсной связи съ вѣрованіями лопарей. Что касается вообще древней религіи лопарей, то писавшимъ о ней справедливо можно сдѣлать упрекъ, который Кастрень дѣлаетъ по отношенію къ писавшимъ о вѣрованіяхъ алтайскихъ народовъ вообще. „Древнѣйшую собственную религію алтайскихъ народовъ, пишетъ онъ, ¹⁾ обыкновенно означали именемъ шаманизма, т. е. религіи волшебства. Какъ при названіи, такъ и при восприниманіи дѣла обращалось больше вниманія на внѣшнюю, видимую сторону, чѣмъ на внутреннюю сторону и на самую суть дѣла“. Дѣйствительно, не одно шаманство составляетъ характерную черту древне-лопарскихъ вѣрованій; на ряду съ нимъ мы встрѣчаемъ и вы-

1) A. Castren, Vorlesungen über die Finnische Mythologie. p. 1.

соко-развитыя представленія: и поклоненіе духамъ, населяющимъ окружающую лопаря природу, и поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ и грознымъ атмосферическимъ явленіямъ. Но, не смотря на довольно хорошо разработанную мѣологію, мы встрѣчаемъ у лопарей и грубый фетишизмъ, который какъ-то странно соединяется съ высокими религіозными представленіями. Въ тѣсной связи съ фетишизмомъ стоитъ у лопарей и шаманизмъ, на которомъ я и позволю себѣ остановиться.

Шаманизмъ, какъ и фетишизмъ—послѣдніе уступили мѣсто вновь пришедшему христіанству, и это опять-таки оттого, что шаманизмъ, наравнѣ съ фетишизмомъ, былъ наиболее близокъ лопарю.

Сдѣлавъ эти необходимыя замѣчанія, для того, чтобы оправдать свое пользованіе источниками, толкующими о скандинавскихъ лопаряхъ, перехожу теперь къ *пѣснямъ* (древнимъ шаманамъ и современнымъ колдунамъ).

Съ незапамятныхъ временъ Лапландія считается страной, населенной чародѣями. Еще въ Калевалѣ мать Лемминкейна, желая удержать его отъ поѣздки въ Похьолу, говоритъ:

„Не ходи ты, мой сыночекъ,
Въ села дальнія Похьолы;
Не ходи безъ чародѣйства,
Безъ премудрости всевластной
Къ очагамъ дѣтей Похьолы,
На поля дѣтей лапландскихъ.
Запоешь тебя лапландецъ,
Заклянетъ тебя турьянецъ,
По уста положить въ угли,
Въ пламя голову и плечи,
Въ золу жаркую всю руку
На каменьяхъ раскаленныхъ“.²⁾

²⁾ Калевала; руна 12; пер. Д. Бальсаго. „Турьянецъ“—норвежецъ

И нѣсколько дальше:

Не ходи отсюда, милый,..
 Въ эту мрачную Похьолу.
 Тамъ опасность угрожаетъ...
 Хотя ты будешь стоязычнымъ,..
 Все же ты не бросишь пѣвнемъ
 Сыновей Похьолы въ воду;
 Ты не скажешь, какъ турьянецъ,
 Ты не скажешь, какъ лапландецъ.“¹⁾

Въ древней Россіи мы встрѣчаемся также со взглядомъ на лопарей, какъ на опасныхъ чародѣевъ и вѣдуновъ, могущихъ открыть будущее. Кромѣ тѣхъ волхвовъ-лопарей, которые привезены были для Іоанна Грознаго, мы знаемъ, что, когда послѣ убійства Лжедмитрія I стали ходить слухи, что земля его не принимаетъ, нѣкоторые утверждали, „что Гришка былъ колдунъ, выучившійся этому искусству у Лапонцевъ: когда они дадутъ себя убить, могутъ и воскресить себя. И онъ выучился этому дьявольскому искусству“²⁾.

Но наиболѣе характерными въ этомъ отношеніи являются рассказы, передаваемые намъ средневѣковыми писателями о колдовствѣ лопарей. Уже одинъ тотъ фактъ, что эти рассказы были такъ сильно распространены, служить доказательствомъ, какъ крѣпко утвердилась за лопарями слава о ихъ чародѣйствѣ. Ограничусь лишь нѣкоторыми изъ этихъ рассказовъ.

Такъ, долгое время держалось мнѣніе, что лопари имѣютъ власть надъ вѣтрами. Циглеръ сообщаетъ, что лопари завязываютъ три волшебныхъ узла, и когда они развязываютъ одинъ узелъ—поднимаются вѣтры съ умѣренной силой; когда они развяжутъ второй узелъ—начинаютъ дуть вѣтры болѣе сильныя; когда развяжутъ третій—поднимается буря и гроза³⁾. Другой писатель сообщаетъ, что лопари мо-

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Петръ Петрей. Ист. о Вел. Кн. Московскомъ стр. 222.

³⁾ J. Schefferus. *Laponia* p. 144.

гуть удержатъ корабль на ходу такъ, что никакая сила вѣтровъ не можетъ ихъ сдвинуть съ мѣста ¹⁾). Далѣе, Циглеръ говоритъ, что лопари готовятъ небольшія, величиной съ палецъ волшебныя копыя изъ свинца и посылаютъ ихъ на своихъ враговъ; копые это ранитъ того, кому оно было послано, и тотъ въ страшной боли умираетъ черезъ три дня. Шефферъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, замѣчаетъ, что „теперь (въ концѣ XVII в.) нѣтъ никого, кто бы зналъ это“; онъ полагаетъ, что Циглеръ ошибся, предполагая, что лопари посылаютъ волшебныя свинцовыя копыя, и прибавляетъ, что другой писатель, Петръ Клауди, называетъ „ганъ“ — то, что посылаютъ лопари, что ганъ имѣетъ видъ мухи и что это самъ дьяволъ; этотъ ганъ наноситъ людямъ и животнымъ смерть или вредъ ²⁾). Но если одни лопари имѣли силу насылать такимъ образомъ смерть, то другіе лопари были надѣлены силою изгонять этотъ ганъ; кромѣ того, ганъ вредилъ лишь тогда, если посылающій его зналъ имя отца того лица, которому онъ хотѣлъ вредить ³⁾). Наконецъ, лопари, по словамъ Шеффера, имѣютъ силу насылать еще т. наз. тире (tyre), особо приготовленную массу, величиной съ орѣхъ или средней величины яблоко. Это тире продается лопарями; оно летитъ по направленію того лица, на которое оно насылается, „словно вихрь или словно пущенная стрѣла либо шаръ, и если по дорогѣ ему встрѣтится чтонибудь живое, каково бы оно ни было,—тире поражаетъ его... и такимъ образомъ оно нерѣдко отклоняется отъ лица, для котораго оно было назначено, и поражаетъ невиннаго. И даже до нашего времени, заключаетъ Шефферъ, нѣтъ недостатка въ печальныхъ примѣрахъ такого рода“. ⁴⁾ Могутъ лопари насылать болѣзнь или смерть также при помощи волшебнаго бубна, хотя способы, которыми зло дѣлается при помощи бубна, и неизвѣстны, такъ какъ лопари держатъ ихъ втай-

¹⁾ Schefferus, *ibid.* p. 145.

²⁾ *ibid.* 146.

³⁾ *ibid.* 148.

⁴⁾ *ibid.* 149.

нѣ. Еще писатель XVII вѣка Іоаннъ Торней вполне вѣрить въ возможность нанесенія вреда при посредствѣ бубна: „Между этими лопарями, пишетъ онъ, былъ одинъ лѣтъ восьмидесяти, который признавался, что онъ, будучи еще мальчикомъ научился отъ своего отца этому искусству (т. е. наносить вредъ) и въ 1670 г. ... устроилъ такъ, что одинъ крестьянинъ... утону на одномъ порогѣ. Его приговорили къ смертной казни и въ оковахъ везли изъ Лапландіи къ ближайшему городу Ботнии. На дорогѣ онъ при помощи своего искусства убилъ себя, такъ что скончался въ одинъ мигъ, хотя сидѣлъ совершенно здоровымъ въ телѣгѣ 1)“. Чародѣи при помощи барабана или при исполненіи извѣстныхъ дѣйствій могли узнать и о томъ, что происходило въ чужой странѣ. Такъ, напримѣръ, Шефферъ передаетъ разсказъ, по которому приказчикъ одного нѣмецкаго купца, находясь въ Лапландіи, пожелалъ узнать, что дѣлаетъ его господинъ; чародѣй послѣ нѣсколькихъ дѣйствій, разсказалъ все, что дѣлаетъ патронъ въ далекомъ нѣмецкомъ городѣ 2). Даже въ XVIII в. П. Гегстремъ считаетъ нужнымъ опровергнуть ходячее мнѣніе, что лопари могутъ переноситься на облакѣ вмѣстѣ съ своими оленями съ мѣста на мѣсто, и объявить такого рода мнѣнія „ложными представленіями необразованнаго человѣка, такъ какъ подобныя вещи въ Лапландіи неизвѣстны 3)“.

Но конечно не всѣ лопари считались таковыми. Изъ ихъ числа выдвигалось лишь нѣсколько, знающихъ тайны чародѣйства, могущихъ навести порчу, причинить болѣзнь или смерть. Таковыми были ихъ шаманы, называемые самими лопарями нойдами, которые въ своемъ лицѣ соединяли функціи и шамана, и колдуна.

Шаманизмъ опредѣляютъ обыкновенно какъ религію, въ которой при помощи опредѣленныхъ дѣйствій, приводящихъ жреца (шамана) въ экстазъ, можно подчинить себѣ какого

1) Schefferus, *ibid.* 143, 144.

2) *ibid.* p. 135.

3) P. Högström. *Beschreibung des... Lapplandes.* 1748. p. 26.

нибудь духа, обыкновенно того, который вселился въ шамана, и заставить его произвести тѣ или иныя дѣйствія, раскрыть будущее, исполнить какое-нибудь порученіе. „Основная идея (лежащая въ основѣ шаманизма), говоритъ Кастренъ ¹⁾, это та, что въ природѣ существуютъ абсолютныя силы, которыя оказываютъ безусловное вліяніе на человѣка. вмѣстѣ съ постепенною приобрѣтеннымъ взглядомъ, что человѣкъ не созданъ непосредственнымъ владыкой природы, является въ немъ и потребность отыскать извѣстныя средства, для достиженія своихъ намѣреній“.

Но если таковъ дѣйствительно шаманизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его обыкновенно застаемъ у различныхъ народовъ, то въ основѣ своей у лопарей онъ, повидимому, происходитъ отъ иного взгляда. Можно думать, что первоначальнымъ шаманомъ у лопарей былъ глава рода или семьи и что лишь въ послѣдствіи шаманы выдѣлились въ особую группу жрецовъ, на которыхъ и перешли потомъ всѣ тѣ обязанности, которыя лежали нѣкогда на главѣ семьи. Это положеніе находить себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ фактахъ. Обязанности при жертвоприношеніяхъ перешли съ теченіемъ времени на нихъ. Они гадали на бубнѣ о томъ, кто изъ боговъ желаетъ жертвы и какое животное нужно принести каждому изъ нихъ. Обязанности жрецовъ при жертвоприношеніяхъ также исполнялись ими. Однако въ то время, когда жрецы обособились уже въ извѣстный классъ, мы встрѣчаемъ въ другихъ мѣстностяхъ Лапландіи, что всѣ обязанности жреца исполнялись главой семьи. Каждая семья, пишетъ Моне ²⁾, имѣла по крайней мѣрѣ одного духа (сторьюнкаре); многія семьи имѣли ихъ нѣсколько. Этотъ духъ оставался въ домѣ и переходилъ по наследству изъ рода въ родъ, вслѣдствіе чего глава семьи обязанъ былъ знать искусство обходиться съ духами. Это и было колдовство; ему поэтому и учились, и сынъ, на ряду съ домашними духами, унаслѣдовалъ и это искусство. По Шефферу почти

1) A. Castren. Vorlesungen über die Finnische Mythologie. p. 4.

2) Mone. Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa. I. стр. 31.

каждая семья имѣла свой волшебный бубень, который и перевозился лопарями обыкновенно при всѣхъ перекочевкахъ. Какъ увидимъ ниже, бубень являлся необходимымъ при жертвоприношеніяхъ. И такъ, хотя и на основаніи очень немногихъ данныхъ, мы можемъ заключить, что въ качествѣ переживанія писатели XVII в. застали еще главу семьи въ его роли приносителя жертвъ, семейнаго жреца, хотя шаманы—нойды въ то время уже выдѣлились въ другихъ мѣстностяхъ Лапландіи въ особую группу.

Необходимость существованія такихъ семейныхъ жрецовъ будетъ особенно очевидной, если мы посмотримъ на тѣхъ божествъ, которымъ приносились жертвы лопарями. Кромѣ боговъ солнца, грома и др., лопарямъ чаще всего приходилось жертвовать священнымъ камнямъ. Мало того, свѣдѣнія о жертвоприношеніяхъ солнцу и грому относятся далеко не ко всѣмъ мѣстностямъ Лапландіи, и повидимому преобладающимъ культомъ оставался культъ этихъ священныхъ камней. Эти камни одними писателями называются *сторьюнкаре*, другими—*сейтами*, *сейдами*. Очевидно, слово „сторьюнкаре“ не лопарское, а заимствованное отъ сосѣдей скандинавовъ; но уже самъ переводъ этого слова—„великій господинъ“¹⁾ заслуживаетъ вниманія: ясно, что эти камни считались божествами сильными²⁾. Но слово „сторьюнкаре“ замѣнялось обыкновенно словомъ „сейта“.

Что такое *сейта*? Уже Моне дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: „Они (лопари)... имѣли родовыя сказанія о сейтахъ, и уже имя умершихъ *ситте* или *сите* доказываетъ связь ихъ съ сейтами, откуда происходитъ ученіе о душахъ. Душа дѣлалась такимъ образомъ высшимъ духомъ, сторьюнкаре, домашнимъ богомъ³⁾“. Этому предположенію Моне вполне соотвѣтствуетъ предположеніе Кастрена. Онъ указываетъ на то, что въ тѣхъ мѣстностяхъ Лапландіи, которыя

¹⁾ Моне, *ibid.* стр. 36.

²⁾ Шефферъ выдѣляетъ сторьюнкаре въ особое божество для нѣкоторыхъ мѣстностей Лапландіи.

³⁾ Моне, *ibid.* 38.

населены финнами, эти сейды иногда носят название Kenttä-Kiwet, происходящее от финскихъ словъ: Kenttä—стоянка и Kiwi (мн. Kiwet) — камень, и именно это название, заключаетъ онъ, доказываетъ,—что можно было бы принять и изъ другихъ основаній,—что сейды были пенатами лопарей ¹⁾“.

Дюбенъ считаетъ сейдовъ также пенатами. Вѣроятно, говоритъ онъ, что нѣкогда отмѣчали жилище мертвыхъ камнемъ, какъ бы въ видѣ могильнаго памятника. Эти камни стояли одиноко и были разсѣяны тутъ и тамъ. Около этихъ камней приносились жертвы въ честь покойниковъ. Священные камни сдѣлались въ послѣдствіи сейтаръ по мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени воспоминаніе о ихъ первоначальномъ значеніи ослабилось и развился антропоморфизмъ. Тогда стали воздвигать сейды подъ давленіемъ совершенно другой идеи. Имъ не придавали больше значенія памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь предковъ; ихъ считали богами предковъ. Камень одѣлили способностью жить, двигаться, ѣсть и пить, причинять несчастіе. Онъ принадлежалъ личности, семьѣ, роду ²⁾. Лишнимъ доказательствомъ значенія сейдовъ какъ божествъ родовыхъ можетъ служить и то обстоятельство, что женщины не только не имѣли права присутствовать при жертвоприношеніяхъ, но не смѣли даже приближаться къ мѣсту, на которомъ стоялъ сейдъ. Мысль, что женщина, происходящая изъ другого рода, является по отношенію къ родовому божеству существомъ не чистымъ, оскверняющимъ своимъ присутствіемъ святое мѣсто, столь общая у всѣхъ некультурныхъ народностей, сквозитъ и здѣсь. Интереснымъ является и то, что по отношенію къ священному бубну существовали тѣ же мнѣнія. Бубенъ считали предметомъ столь священнымъ, что ни одна женщина не имѣла права трогать его. Если женщина пройдетъ по той дорогѣ, по которой пронесли бубенъ, она или тотчасъ умретъ, или захвораетъ, или на нее обрушится вообще какое-нибудь несчастіе. Но

¹⁾ A. Castren. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844. стр. 60.

²⁾ Düben. La Laponie et les Lapons (въ Congrès international des Sciences Géographiques 1878. p. 332).

опасность проходить по дорогѣ, по которой пронесли бубенъ, прекращается для женщины по прошествіи трехъ дней. Какъ семейная святыня, бубенъ при перекочевкахъ перевозился по дорогамъ тайнымъ, по которымъ обыкновенно никто не ходилъ ¹⁾). Были ли сейды (священные камни) памятниками надъ могилами предковъ или нѣтъ—опредѣлительно сказать нельзя, хотя наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ происхожденія ихъ и является предположеніе Дюбена. Въ самомъ дѣлѣ, если мы вполнѣ вѣруемъ и встрѣчаемся съ вѣрованіями въ сейдовъ какъ боговъ, имѣющихъ видъ камней, или колдуновъ, обращенныхъ за неисполненіе точныхъ правилъ при колдовствѣ въ сейдовъ, если употребительными являются помазанія яствами и питьею священнаго камня,—все это еще не служитъ опроверженіемъ теоріи происхожденія сейдовъ отъ могильныхъ памятниковъ, и поклоненія имъ—отъ поклоненія лежащимъ подъ этими камнями предкамъ. Мало того, вѣроятнѣе предположить, что лопари, подобно многимъ другимъ народностямъ, останавливались при своихъ перекочевкахъ именно на мѣстахъ, на которыхъ были похоронены ихъ предки, что обмазываніе жиромъ камней явилось лишь символическимъ кормленіемъ умершихъ предковъ, подобно тому, какъ у другихъ народовъ обычай положенія предметовъ обихода въ могилу замѣнился высѣченіемъ или вырисовываніемъ на могильномъ камнѣ изображеній этихъ предметовъ. Но даже кромѣ сейдовъ у лопарей были еще особые домашніе духи. По словамъ Іоанна Торнея, лопарскія семьи имѣли каждая своего духа, отличнаго отъ духовъ остальныхъ семей, враждебныхъ даже духамъ прочихъ семей. Не только отдѣльныя семьи имѣютъ духовъ, но даже и отдѣльныя лица имѣютъ ихъ, либо одного, либо нѣсколькихъ, которые и защищаютъ ихъ отъ козней духовъ прочихъ лицъ и даже вредятъ другимъ людямъ ²⁾). Эти домашніе духи живутъ подъ очагомъ; имъ приносятъ жертвы. Шефферъ передаетъ, что умершихъ

1) Schefferus. Lapponia p. 132, 133.

2) Schefferus. Ibid p. 121.

называли именемъ *sitte*, но что не дѣлали ихъ изображеній¹⁾. Имъ приносили жертвы, выбирая эти жертвы при посредствѣ бубна; указанному бубномъ животному до жертвоприношенія прокалывали правое ухо и вводили въ проколъ черную нитку²⁾.

При существованіи вѣры въ домашнихъ духовъ-покровителей (какъ извѣстно, происходящей отъ поклоненія предкамъ), при принесеніи жертвъ покойникамъ, естественно, что жрецомъ могъ быть только глава семьи; который и совершалъ жертвенный ритуаль. При жертвоприношеніи употребляется бубенъ, который употреблялся и нойдами. Повидимому и бубенъ изъ семенной или родовой собственности перешелъ съ теченіемъ времени въ руки отдѣльныхъ лицъ. Этихъ главъ семьи, исполняющихъ обязанности и семейнаго жреца, хранящихъ и поддерживающихъ семейную религію, семейный культъ, писатели XVII в. застаютъ еще какъ переживание среди лопарей. Нойды, какъ особый классъ, успѣли уже зародиться, въ иныхъ мѣстахъ успѣли вытѣснить прежнихъ семейныхъ жрецовъ; этому, конечно, долженъ былъ способствовать упадокъ семейнаго культа вообще среди лопарей, вызвавшій появленіе особаго класса жрецовъ, исполняющихъ всѣ обязанности, которыя нѣкогда лежали на главѣ семьи. Но этотъ классъ въ XVII в., если и былъ преобладающимъ, повидимому не успѣлъ еще окончательно вытѣснить прежній способъ жертвоприношеній. Вотъ почему въ то время, какъ почти всѣ писатели говорятъ о нойдахъ, какъ лицахъ, держащихъ въ своихъ рукахъ всѣ жреческія обязанности, мы встрѣчаемъ еще у нѣкоторыхъ писателей упоминанія, хотя и робкія, о существованіи жрецовъ—главъ семьи, передающихъ по наслѣдству свои знанія въ колдовствѣ и въ жертвенныхъ ритуалахъ.

1) Отсутствие изображеній умершихъ, естественно, не можетъ служить опроверженіемъ происхожденія сейдовъ отъ могильныхъ памятниковъ: въ мѣстностяхъ, знакомыхъ Шефферу, эта связь сейдовъ и *sitte* могла уже утратиться. Къ тому же самъ священный камень не есть изображеніе покойника, а лишь могильный памятникъ.

2) Schefferus. Ibid. p. 117.

Но, какъ я уже сказалъ, большинство писателей знаетъ нойдовъ, какъ классъ уже выдѣлившійся, обособившійся въ отдѣльную группу. Они являются жрецами и колдунами. Неотъемлемой принадлежностью ихъ является бубень, при помощи котораго они совершаютъ и колдовство, и узнаютъ волю боговъ, и лѣчатъ отъ болѣзней.

Нойдомъ могъ сдѣлаться не всякій; нѣкоторые имѣли уже отъ природы даръ сдѣлаться имъ. Вотъ какъ объясняетъ, со словъ лопарей, Иоаннъ Торней средства, при помощи которыхъ такіе люди дѣлаются шаманами: „всякій разъ, когда дьяволъ увидитъ, что такіе люди могутъ быть хорошими слугами ему, онъ посылаетъ на нихъ въ самомъ дѣтствѣ болѣзнь, во время которой онъ показываетъ имъ различныя картины и видѣнія, изъ которыхъ они сообразно съ своимъ возрастомъ научаются тому, что относится къ этому искусству (колдовству). Затѣмъ онъ насылаетъ на нихъ вторую болѣзнь и показываетъ имъ больше видѣній, изъ которыхъ они научаются еще больше искусству, чѣмъ во время первой болѣзни. Если онъ пошлетъ на нихъ третью болѣзнь, которая бываетъ столь тяжелой, что они подвергаются опасности потерять жизнь, то имъ являются всѣ видѣнія дьявольскія, изъ которыхъ они научаются всему, что необходимо для совершеннаго знанія колдовства ¹⁾“⁴. Колдовству можно однако научиться и отъ другого шамана. Можно было быть его ученикомъ, извѣстное время сопровождать его, присутствовать и помогать ему при его дѣяніяхъ и такимъ образомъ выработать изъ себя шамана. Но для того, чтобы считаться шаманомъ, необходима была санкція старыхъ, уже испытанныхъ нойдовъ. Посвященіе новаго нойда совершалось слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько старыхъ нойдовъ соглашались собраться у молодого, желающаго получить это званіе. Когда они собрались всѣ вмѣстѣ въ домъ кандидата, то одинъ старый нойдъ садился около дверей такъ, что ноги молодого нойда и стараго скрепчивались. Молодой начиналъ

1) Schefferus. Lapponia стр 122.

затѣмъ бить въ бубень и пѣть. Если во время этого сайво (божество, о которомъ я скажу нѣсколько ниже) входилъ въ жилище и переходилъ ихъ ноги, но такъ, что его видѣль лишь одинъ молодой, то старикъ не обращалъ на это никакого вниманія. Но если сайво входилъ такъ, что его видѣль и старый колдунъ, то молодой объявлялся тотчасъ же нойдомъ ¹⁾.

Колдунъ считался обладающимъ большою силою, могущимъ и узнавать будущее, и толковать волю боговъ. Въ большинствѣ случаевъ подспорьемъ ему служилъ его бубень. Бубень былъ неодинаковъ; но несходство одного бубна съ другимъ выражалось лишь въ частностяхъ: въ его формѣ и отчасти рисункахъ, на немъ изображенныхъ. Обыкновенно бубень дѣлался изъ дерева—сосны, ели или березы, причемъ требовалось, чтобы дерево „росло по-солонь“.

Самый бубень, если вѣрить свидѣтельству Іоанна Торнея, назывался лопарями *Kaupus* или *quobdas* ²⁾. Та часть бубна, по которой били, была, по словамъ современниковъ, раскрашена; на ней были изображены разныя фигуры красной краской, добытой изъ коры ольхи. На срединѣ бубна проводились двѣ черты поперекъ, на которыхъ изображались главные боги, какъ Торъ (иначе Айеке—богъ грома) съ его *famulis*, Сторь-юнкаръ со своими. Ниже этихъ чертъ, проводилась параллельно имъ черта, доходящая до половины бубна; на ней изображали Христа съ нѣсколькими апостолами. Надъ этими чертами изображались птицы, звѣзды, луна. Ниже этихъ чертъ, на самой срединѣ бубна, изображали солнце. Ниже изображенія солнца помѣщали различныхъ животныхъ, на-примѣръ: медвѣдей, волковъ, оленей, лисицъ, змѣй; далѣе изображали болота, озера, рѣки и т. п. Иногда на южной части рисовали Швецію, сѣвернѣе Норвегію, отмѣчались города и представлялись люди. По срединѣ обѣихъ частей рисовали Лапландію, занимавшую большую, чѣмъ остальные страны, площадь. Въ Лапландіи изображались различныя

1) *Erman. Archiv. XX. стр. 353.*

2) *Schefferus. Lapponia p 122.*

животныя ¹⁾. Иногда отъ изображенія солнца шли четыре радіуса, долженствовавшіе изображать дороги во всѣ четыре страны свѣта. Солице изображалось въ видѣ четырехугольника; радіусы, отъ него идущіе, иногда означали, что дѣйствіе солнца распространяется всюду ²⁾. Путешественникъ XIX ст., Гоггюеръ, видѣвшій въ 1828 году шаманскій бубенъ, описываетъ его въ слѣдующихъ словахъ: онъ имѣетъ видъ рѣшета, покрытъ приготовленной, лишенной шерсти, оленьей шкурой, на которой кровью нарисована масса изображеній: сѣверныхъ оленей, медвѣдей, волковъ, собакъ, птицъ, деревьевъ и многихъ другихъ предметовъ ³⁾.

Бубенъ употреблялся слѣдующимъ образомъ. На него вляли кольцо, сдѣланное изъ металла, либо изъ ольхи; къ этому кольцу обыкновенно привязывались нѣсколько маленькихъ колецъ. Иногда большое кольцо замѣнялось костяной фигурой, имѣвшей видъ буквы „дельта“. Когда кольцо было положено по срединѣ бубна, начинали ударять молоткомъ въ бубенъ, сопровождая удары пѣснью. По направленію кольца, которое двигалось отъ ударовъ, узнавали то, что требовалось. Если нужно было узнать, какое жертвенное животное, положимъ, требуетъ себѣ какой-нибудь богъ, то, смотря по тому, около изображенія какого животнаго кольцо останавливалось, то и опредѣляли для жертвоприношенія. Кольцо носило названіе *арта* ⁴⁾.

Бубномъ шаманы пользовались въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда требовалось узнать, что дѣлается въ другихъ краяхъ, гдѣ находится потерянная вещь или животное; 2) чтобы узнать исходъ предполагаемаго дѣла или исходъ болѣзни; 3) для излѣченія болѣзни; 4) чтобы узнать, какому богу и какое животное принести къ жертву; 5) чтобы нанести какой-нибудь вредъ человѣку.

Когда требовалось узнать, какому богу или какое

1) Schefferus, *ibid.* p. 124, 126.

2) A. Réville. *Les Religions des peuples non civilisés.* II. p. 186.

3) Hoggner. *Reise nach Lappland*, стр. 96.

4) Schefferus. *Laponia* p. 130.

животное нужно принести въ жертву, то шаманъ поступалъ слѣдующимъ образомъ. Если требовался отвѣтъ на первый вопросъ, то, положивъ кольцо на средину бубна, шаманъ начиналъ бить по немъ, пока кольцо, пришедшее въ движеніе отъ сотрясенія, не начинало двигаться и не останавливалось передъ изображеніемъ того или иного божества. Этимъ и рѣшался вопросъ. Иногда, когда лопари хотѣли принести жертву какому-нибудь божеству, то прежде требовалось убѣдиться, желаетъ ли данное божество принесенія жертвы. Нойдъ начиналъ бить въ бубень, а всѣ члены семьи, которая рѣшилась принести жертву, окружая его, пѣли вмѣстѣ слѣдующія слова: „что ты скажешь, великій, святой богъ? принимаешь ли ты ту жертву, которую я назначилъ для принесенія тебѣ?“ Во время пѣсни они поминали и ту гору, на которой должно было совершиться жертвоприношеніе. Если данное божество желаетъ жертвы, кольцо останавливается передъ его изображеніемъ; если нѣтъ—лопари съ той-же пѣснью предлагаютъ другому богу жертву, и такъ до тѣхъ поръ, пока кольцо не остановится передъ какимъ-нибудь изображеніемъ божества ¹⁾. Роль нойда не ограничивалась только выборомъ божества или предмета жертвы: и во время жертвоприношенія онъ являлся главнымъ жрецомъ. Еще до жертвоприношенія онъ былъ обязанъ приготовиться постомъ и омовеніемъ къ своему дѣлу. Въ день жертвоприношенія онъ являлся въ лучшихъ своихъ одеждахъ, надѣвалъ оловянные цѣпи на правую руку и повязывалъ черезъ лѣвое плечо поясъ. При жертвоприношеніяхъ женскимъ божествамъ онъ надѣвалъ бѣлую льняную шапку. На его обязанности лежало заклать животное; онъ же руководилъ и жертвеннымъ ритуаломъ, произносилъ опредѣленные слова молитвы, становился на колѣни, а остальные присутствующіе лишь подражали ему ²⁾. Женщины, имѣвшія право присутствовать при гаданіи о томъ, какому богу и какая должна быть при-

¹⁾ Schefferus, *ibid.* p. 109.

²⁾ Erman. *Archiv.* XX. стр. 351, 352.

несена жертва, исключались совершенно отъ присутствія при жертвоприношеніи.

Когда требовалось узнать объ исходѣ задуманнаго предпріятія, нойдъ клалъ большое кольцо съ привѣшенными къ нему малыми кольцами на бубенъ такъ, чтобы оно прихотилось на изображеніи солнца. Затѣмъ начиналъ бить въ бубенъ: если маленькія кольца двигались по-солонь; то это считалось за хорошее предзнаменованіе; если наоборотъ, то предзнаменованіе считалось дурнымъ. Прежде чѣмъ идти на охоту, производили то-же гаданіе и, смотря по тому, будутъ ли кольца направлены на востокъ или на западъ, шли по этому направленію, увѣренные въ полученіи хорошей добычи.

Естественно, что этими видами гаданій могъ заниматься всякій лопарь, имѣвшій бубенъ, и сила и значеніе нойдовъ, вліяніе, которое они оказывали на своихъ соплеменниковъ и даже на многихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ лопарскую землю, заключались не въ этомъ: они имѣли, по вѣрованіямъ лопарей, еще силу врачевать болѣзни и узнавать, что дѣлается въ чужихъ, отдаленныхъ отъ ихъ мѣстожителства краяхъ. Дѣло въ томъ, что каждый лопарскій нойдъ имѣлъ въ Сайво-аймо (странѣ усопшихъ) три вида животныхъ, находившихся въ постоянномъ его распоряженіи, именно: птицу (saivo lodde), рыбу (saivo kuella) и оленя (saivo saivo). Общее имя этихъ животныхъ было—Noaidde-vuoingga, т. е. духи чародѣевъ. Птицы были то въ видѣ ласточекъ, то въ видѣ воробьевъ, орловъ, лебедей, голубей или коршуновъ. Цвѣтъ ихъ былъ обыкновенно бѣлый съ чернымъ (сѣрымъ). Онѣ всегда слѣдовали за шаманомъ, когда онъ ихъ вызывалъ пѣніемъ, показывали ему дорогу, помогали въ охотѣ, доносили чужія рѣчи и т. п. Рыбы переносили нойда въ царство мертвыхъ. „Духи чародѣевъ“ продавались или передавались по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Эти животные были необходимы для чародѣя, когда онъ отправлялся въ землю усопшихъ. А ѣздить ему туда приходилось либо для вызова усопшихъ на землю, либо для того, чтобы лично

упросить подземныхъ боговъ даровать больному еще на нѣкоторое время жизнь ¹⁾, либо узнать причину болѣзни и вывѣдать, какія средства нужны для умилоствленія подземныхъ духовъ. Чтобы посѣтить страну умершихъ, шаманъ, ударяя въ бубенъ и напѣвая при этомъ пѣснь, впадалъ въ безсознательное состояніе, и въ это-то время духъ его путешествовалъ въ подземныя страны. Позволю себѣ привести здѣсь кстатіи разсказы найдовъ объ ихъ путешествіяхъ въ загробное царство. „Волшебная рыба приходила на ихъ зовъ, и на ея спинѣ нойдъ отправлялся въ царство мертвыхъ. Если божество подземнаго царства не хотѣло отпустить умершаго на землю или, что чаще случалось, если умершіе родственники больного требовали, чтобы онъ (больной) пришелъ къ нимъ, то они не отпускали чародѣя и пытались его убить. Тогда приходилъ умершій ему на помощь и вступалъ съ ними въ бой, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока остальные не позволяли требуемому на землю умершему уѣхать съ шаманомъ. Если больному (о которомъ прѣвзжалъ узнать шаманъ) даровалась жизнь, то это бывало всегда подъ условіемъ, чтобы онъ принесъ жертву умершимъ, желавшимъ имѣть его среди себя. Если же умершіе оставались непреклонными, то больному суждено было умереть. Объ участи, ожидающей больного, объявлялъ шаманъ, по возвращеніи своемъ изъ царства мертвыхъ.“ ²⁾ Послѣ того какъ нойдъ узнавалъ, какими жертвами слѣдуетъ умилоствить умершихъ, чтобы больной жилъ, онъ приступалъ къ его лѣченію. Если требовалась жертва, то шаманъ требовалъ немедленнаго обѣщанія отъ больного принести жертву на опредѣленномъ мѣстѣ. Если болѣзнь происходила отъ того, что въ больного вселился какой-нибудь духъ, то шаманъ, узнавъ объ этомъ, лѣчилъ его слѣдующимъ образомъ. Больной давалъ шаману одно кольцо оловянное, одно серебряное и долженъ былъ надѣть ихъ на правую руку шамана; эти кольца поступали въ его собствен-

¹⁾ Erman. Archiv. XX стр. 174, 175.

²⁾ *ibid.* стр. 175, 176.

ность, какъ вознагражденіе за трудъ. Затѣмъ онъ начиналъ бить въ бубенъ и пѣть торжественную пѣснь, которой вторили присутствующіе мужчины и женщины ¹⁾.

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность нойдовъ, какъ лѣкарей. Однако еще болѣе важное значеніе имѣютъ они, какъ колдуны, когда они заставляютъ подчиненныхъ имъ духовъ узнавать, что дѣлается въ той или иной мѣстности. Какъ наиболѣе бьющая на воображеніе, именно эта сторона дѣятельности лопарскихъ шамановъ нашла себѣ и наибольшее число описателей и рассказчиковъ.

Ограничусь описаніемъ и этой дѣятельности нойдовъ лишь въ общихъ чертахъ.

Для исполненія этой задачи требовалось, чтобы шаманъ пришелъ въ экзальтированное состояніе при помощи ударовъ въ бубенъ и пѣсни, какъ своей, такъ и своихъ спутниковъ (учениковъ), которые помогали ему. Въ числѣ помощниковъ были не только мужчины, но и женщины. Пѣсни, которыя пѣлись какъ самимъ шаманомъ, такъ и его спутниками, имѣли строго опредѣленные слова; первая называлась *юйике*, вторая — *дуура* ²⁾. Шаманъ сначала начиналъ ударять въ бубенъ тихо, затѣмъ сильнѣе и сильнѣе, пока не терялъ сознанія. Спутники нойда въ это время усиленно пѣли, опасаясь забыть слова пѣсни; если это произойдетъ, шаману грозитъ смерть. Въ это же время, пока духъ совершаетъ свое путешествіе, нужно оберегать шамана отъ прикосновенія чего бы то ни было, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему также грозитъ смерть. Пролежавъ такимъ образомъ нѣкоторое время, онъ поднимается и рассказываетъ, что происходило въ той странѣ, куда духъ его направлялся ³⁾. Небезынтереснымъ является рассказъ Реньера (французскаго путешественника въ Лапландію въ XVII в.) о шаманѣ, котораго онъ видѣлъ. Когда явился къ нему нойдъ, онъ попросилъ, чтобы тотъ принесъ ключи отъ комнаты его мате-

1) Schefferus. Lapponia p. 142.

2) ibid p. 137.

3) ibid. p. 135—139.

ри... „Глаза у чародѣя завертѣлись, лицо измѣнилось въ цвѣтъ, борода всклокочилась. Казалось, что онъ сломаетъ свой бубень: съ такой силой онъ ударялъ по немъ, и наконецъ онъ упалъ, окаченѣвъ, словно палка. Всѣ лопари, здѣсь присутствовавшіе, тщательно оберегали, чтобы кто-нибудь не приблизился къ нему при такомъ его состояніи; отгоняли даже мухъ, не позволяя имъ сѣсть на него... Лопарь лежалъ словно мертвый съ четверть часа и, мало-по-малу приходя въ себя, сталъ блуждающимъ взоромъ смотрѣть на насъ. Осмотрѣвъ насъ всѣхъ, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что его духъ не можетъ повиноваться ему, такъ какъ я болѣе сильный чародѣй, чѣмъ онъ, и что мой духъ сильнѣе его“¹⁾. Ачерби передаетъ и слова пѣсни іойике: „проклятый волкъ, уходи отсюда и не оставайся болѣе въ этихъ лѣсахъ. Уходи въ самые отдаленные предѣлы земли; если ты не уйдешь, пусть убьетъ тебя охотникъ“. Эту пѣснь, по словамъ Ачерби, поютъ также и не колдуны, такъ какъ она имѣетъ силу ограждать стада отъ волковъ²⁾. Трудно представить себѣ, однако, чтобы это были единственные слова пѣсни шамановъ, такъ какъ изгнаніе волка не совсѣмъ умѣстно, когда шаманъ собирается отправляться въ другіе края или даже въ царство мертвыхъ.

Небезынтересенъ и тотъ фактъ, что шаману не должно было быть болѣе пятидесяти лѣтъ, и что зубы у него должны были быть цѣлы,—иначе онъ утрачивалъ свою силу³⁾.

Слава лопарскихъ нойдовъ была настолько сильна, настолько упрочилась за ними, что не только сосѣдніе финляндцы, но даже шведы и норвежцы, если вѣрить словамъ Шеффера, посылали своихъ дѣтей обучаться у нихъ коловству.

Конечно, указанными сторонами не ограничивалась дѣятельность древнихъ шамановъ; но старинные писатели отбѣиваютъ лишь эти стороны дѣятельности ихъ, и поэтому-то

1) Regnard. Voyage de Laponie p. 88, 89.

2) Acerbi. Reise durch Schweden und Finland.

3) Erman Archiv. XX. стр. 355.

я на нихъ и остановился. Кромѣ того, и христіанству, и шведскому законодательству приходилось сильно бороться именно съ шаманизмомъ. Шведское законодательство, несмотря на строгость свою къ тѣмъ, которые употребляли бубень, вывела его изъ употребленія очень не скоро. Въ XVIII в. дѣйствительно его встрѣчаютъ рѣже. Гегстремъ пишетъ, что ему самому даже не удалось ни разу видѣть бубна, такъ какъ тотъ, кто его имѣетъ, держитъ это втайнѣ, боясь кары ¹⁾. Мало-по-малу выходя изъ употребленія, бубень продолжался вплоть до начала XIX столѣтія, и хотя Шубертъ, посѣтившій Лапландію въ 2-мъ десятилѣтіи нашего вѣка, пишетъ, что бубень встрѣчался у лопарей еще лѣтъ за 20 до его пріѣзда, но что теперь языческіе обряды всѣ исчезли, ²⁾ однако мы имѣемъ свидѣтельство Гоггюера отъ 1828 г., который пишетъ, что нѣкоторые старики до сихъ поръ имѣютъ еще бубень ³⁾. Свидѣтельство Шуберта объ исчезновеніи языческихъ обрядовъ можетъ быть, пожалуй, вѣрнымъ только для скандинавской Лапландіи, гдѣ проповѣдь христіанства, поставленная на разумную почву, дѣйствительно принесла свои плоды. Въ русской Лапландіи мы видимъ далеко не то.

Современемъ однако христіанство и въ русской Лапландіи въ корнѣ должно было измѣнить міросозерцаніе лопаря, заставить забыть своихъ прежнихъ боговъ, оставить пустынями древнія капища. Однимъ словомъ, богатая языческая мифологія лопаря оказалась замѣненной новымъ пантеономъ, такъ какъ христіанство усвоилось лишь съ чисто внѣшней стороны. Поэтому-то, разбивъ, разрушивъ прежнія вѣрованія лопаря, христіанство не стерло ихъ окончательно но оставило хотя бы и жалкіе остатки, въ которыхъ мы съ трудомъ увидимъ развалины прежнихъ вѣрованій. Сравнимъ теперь, что осталось отъ древнихъ шамановъ среди современныхъ кол-

1) P. Högström. Beschreibung des Lapplandes. стр. 224.

2) Schubert. Reise durch Schweden, Norwegen, Lappland. стр. 312.

3) Hogguer. Reise; стр. 96: „Волшебный бубень почти совсѣмъ вышелъ изъ употребленія, хотя и встрѣчаются еще нѣкоторые старики, которые тайно пользуются имъ“.

дуновъ лопарскихъ, какъ видоизмѣнились они за нѣсколько вѣковъ исповѣдыванія лопарями христіанства.

Прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, позволю себѣ коснуться хоть бѣгло вообще современныхъ вѣрованій русскихъ лопарей.

По отзывамъ, лопари „добрые христіане“, „церковь посѣщаютъ усердно“, „иконы чтутъ и свѣчки ставятъ“ и т. д. Если основываться исключительно на этихъ данныхъ можно вынести впечатлѣніе, что дѣйствительно христіанство въ русской Лапландіи оказало сильное воздѣйствіе на умы лопарей, заставило ихъ забыть свое прежнее міросозерцаніе. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: поговорите съ любымъ колянномъ, и онъ расскажетъ вамъ въ огромномъ количествѣ случаи, гдѣ лопарь является чистымъ полуязычникомъ. Такъ, рассказывали мнѣ, что еще недавно лопари пріѣзжали въ Колу брать очистительную молитву для своихъ женъ послѣ родовъ и просили священника „наговорить“ имъ молитву въ шапку; рассказывали также, что когда лопарь по ошибкѣ молился передъ иконой не того святого, которому онъ хотѣлъ поставить свѣчку, онъ, замѣтивъ свою ошибку, выругался на икону и т. п. Дѣйствительно, подобные рассказы имѣютъ лишь анекдотичный характеръ, и, какъ извѣстно, такіе рассказы очень распространены въ Россіи повсюду, гдѣ великорусскій элементъ сталкивается съ инородческимъ; но эти рассказы все-таки обрисовываютъ намъ и взглядъ колянна на лопаря, который своимъ лишь чисто формальнымъ отношеніемъ къ христіанству далъ ему поводъ приписать ему такого рода воззрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, подъ этой внѣшней оболочкой христіанства таятся у лопаря воззрѣнія и вѣрованія далекой языческой эпохи. причемъ, конечно, съ каждымъ годомъ христіанство заполняетъ все болѣе и болѣе кругозоръ лопарей, заставляя ихъ на вѣрованія отцовъ смотрѣть лишь какъ на суевѣрія, отъ которыхъ однако лопарю не легко отрѣшиться.

Современный русскій лопарь, какъ и его предокъ язычникъ, населяетъ землю различными духами, но эти духи вы-

ходятъ какими-то жалкими, сравнительно съ развитыми представленіями о богахъ у древнихъ лопарей. То, что нѣкогда являлось необходимымъ условіемъ жертвеннаго ритуала, является теперь лишь „симпатическимъ“ средствомъ. И лишь среди немногихъ, сравнительно, лопарей эти суевѣрія имѣютъ еще характеръ точныхъ религіозныхъ представленій. Но смотреть ли современный лопарь на праѣдовскія вѣрованія, какъ на остатки завѣщаннаго ему предками его культа, или какъ на обряды, въ значеніи которыхъ онъ себѣ дать отчета не можетъ, — все-таки они являются существенной стороной его жизни, все-таки поглощаютъ его вниманіе.

Ограничусь лишь нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя мнѣ лично удалось узнать отъ лопарей. Прежніе домашніе духи, которыхъ лопари поселяли подъ очагомъ и которыхъ чтили жертвоприношеніями, перешли въ обыкновеннаго домового, по-лопарски — *перть-хозяинъ*. Въ Сонгельскомъ погостѣ, рассказывали мнѣ, перть-хозяинъ не давалъ покоя одному лопарю: ночью поднимался шумъ; перть-хозяинъ сыпалъ съ потолка на проходящихъ и бросалъ въ нихъ вещи домашняго обихода. Одинъ лопарь ухитрился схватить домового за руку и зажечь спичку. Оказалось, что тотъ весь въ шерсти, „словно собака“; но послѣ этого перть-хозяинъ бросилъ этотъ домъ. Здѣсь мы видимъ, что домовый, какъ почти всюду, обратился въ духа недобраго, вредящаго и мѣшающаго жителямъ даннаго дома. Воспоминаніе о немъ, какъ о предкѣ, утратилось совершенно, и его не только не улаживаютъ жертвами, но даже рады, когда онъ уйдетъ изъ дому. Какъ воспоминаніе о связи перть-хозяина съ домашнимъ очагомъ, сохранился слѣдующій обычай, распространенный почти у всѣхъ, такъ называемыхъ кольскихъ лопарей: именно, куда бы лопари ни пріѣхали, они сначала зажигаютъ огонь въ камелькѣ, а затѣмъ уже сносятъ кладъ; это дѣлается для того, чтобы перть-хозяинъ былъ ласковѣе. Когда лопари уѣзжаютъ на другое мѣсто, они оставляютъ на покидаемомъ ими мѣстѣ въ камелькѣ дрова, спички и растопку, чтобы по возвращеніи своемъ скорѣе зажечь огонь, не то съ кѣмъ нибудь случится

болѣзнь. Всякій разъ, когда лопари ложатся спать, они накладываютъ въ камелькъ жаръ и затѣмъ ножемъ крестятъ камелькъ три раза. Во всѣхъ этихъ обычаяхъ сквозить ясно мысль, что въ камелькѣ живетъ пертъ-хозинъ. Древніе помѣщали подь очагомъ души усопшихъ. Ясно, что пертъ-хозинъ есть лишь извращенный предокъ, обломокъ нѣкогда развитаго вѣрованія въ духовъ - покровителей. Въ связи съ домашнимъ очагомъ стоитъ слѣдующее: около камелька, обыкновенно отгораживается мѣсто, имѣющее видъ продолговатаго четырехугольника; за эту ограду никто, ни мужчина ни женщина, не можетъ переступить; женщины не смѣютъ даже ни становиться, ни садиться на эту ограду: это оскверняетъ святиню. Не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что на этомъ мѣстѣ находились либо священныя изображенія языческой эпохи, либо что это мѣсто считалось жилищемъ домашнихъ духовъ. Среди лопарей нѣкоторыхъ погостовъ это отдѣленіе четырехугольника осталось, но съ нимъ ужь не связывается никакихъ религіозныхъ представлений: въ этотъ четырехугольникъ кладутъ посуду.

Въ горахъ живетъ другой духъ, женскій—*Луотъ-хозикъ* (оленья хозяйка). Это божество особенно близко къ лопарямъ, такъ какъ въ горахъ обыкновенно проводятъ олени все лѣто. Дѣло въ томъ, что, спуская оленей на волю лѣтомъ, лопари увѣжаютъ сами по своимъ тонямъ; такимъ образомъ олени остаются безъ всякаго присмотра, и обыкновенно осенью, когда лопари собираютъ своихъ оленей, они многихъ не досчитываются. Если олени оказались цѣлыми, то это даръ и знакъ милости луотъ-хозикъ: она посылаетъ оленямъ богатая пастбища изъ оленьяго моха, она оберегаетъ ихъ отъ дикихъ звѣрей; лишь отъ человѣка она не можетъ уберечь стада. Лопари ея не боятся: она охраняетъ и пасетъ стада оленей, самое дорогое, самое цѣнное изъ убогаго имущества лопаря. Она же посылаетъ и охотнику дикаго оленя. Луотъ хозикъ при отпусканіи оленей на волю молятся въ слѣдующихъ словахъ: „Луотъ - хозикъ, береги нашихъ оленей.“ Если къ осени олени всѣ нашлись, ее благодарятъ, говоря:

„спасибо тебѣ, что поберегла нашихъ оленей“. Даже если часть оленей пропадетъ, то ее не винятъ. Луотъ-хозикъ живетъ въ тундрѣ; видомъ походитъ она на человѣка: „ходитъ на ногахъ, какъ человѣкъ, и лицо человѣчье, только вся въ шерсти, словно олень“, описывали мнѣ ее лопари.

Кромѣ Луотъ хозикъ обязанность оберегать оленей лежить еще на *Поць-хозинъ* и *Поць-хозикъ*. (мужъ и жена). Они также пасутъ оленей, оберегаютъ ихъ отъ волковъ, но также какъ и Луотъ-хозикъ, не могутъ уберечь отъ злого человѣка. Съ Луотъ-хозикъ они живутъ мирно.

Сообщу еще краткія свѣдѣнія о лѣсномъ духѣ и о духѣ воды. Лѣсной духъ—*мецъ-хозинъ* живетъ въ лѣсу; черный съ хвостомъ; зла людямъ онъ не дѣлаетъ, если люди ему не досаждаютъ; но если они въ лѣсу начинаютъ кричать, шумѣть, или пѣть, то мецъ-хозинъ заведетъ ихъ въ лѣсу „такъ, что не выйдешь“; поэтому-то и необходимо, проходя по лѣсу; соблюдать тишину.

Во всякой водѣ, будь то озеро или рѣка, живетъ *саиенъ* съ своими дѣтьми. Она является людямъ въ образѣ нагой женщины, расчесываетъ свои волосы „хорошимъ“ гребнемъ. Лицо у ней бѣлое, чистое, волосы черные. Если испугать саиенъ, она въ испугѣ бросается въ воду, оставляя на берегу на камнѣ, на которомъ сидѣла, и гребень, и часть волосъ. Это божество не всегда является милостивымъ: она часто затаскиваетъ къ себѣ людей, почему купаться и является опаснымъ. Вотъ что рассказывали мнѣ лопари Нотозерскаго погоста про одного изъ своихъ односельчанъ Ивана Титова: „Ванька Титовъ купался утромъ, часа въ 4. Какъ снялся совсѣмъ, видитъ—въ водѣ идетъ человѣкъ нагишемъ, и стала тащить его и протащила съ 1/2 версты за ногу. Онъ закричалъ; пришли жонки, да и онъ молитву прочелъ, только тѣмъ и спасся. Потомъ онъ спать завалился на ночь; пришла къ нему саиенъ и говоритъ: „счастливъ ты, что у тебя есть жонки, а то бы я тебя утащила; дай мнѣ то, чего тебѣ не жалко“. Онъ говоритъ: „ладно, даю“, и далъ серебряный рубль да бисеръ и бросилъ въ воду, а на слѣдующую ночь

саціенъ припла и говорить: „спасибо: очень я довольна“. Послѣ этого онъ и не смѣетъ купаться“.

Я позволилъ себѣ остановиться на вѣрованіяхъ въ этихъ духовъ, такъ какъ они по своему назначенію являются наиболѣе близкими для лопаря. На водѣ ему приходится проводить большую часть времени при его рыбныхъ промыслахъ, являющихся главнымъ источникомъ его дохода; олени—самое дорогое для лопаря имущество, и богатство лопарей мѣряется даже по числу головъ, принадлежащихъ той или иной семьѣ; перть-хозяинъ уже въ своемъ положеніи домашняго духа долженъ быть близокъ лопарю. Но, несмотря на то, что именно эти духи являются столь близкими лопарю, и вслѣдствіе этого уже должны были устоять крѣпче подъ напоромъ новыхъ идей,—вѣра въ этихъ духовъ, ихъ культъ крайне слабо развитъ среди лопарей и уничтожается быстро съ каждымъ годомъ. Теперь еще въ Нотозерскомъ погостѣ приносятся жертвы разнымъ вышепоименованнымъ духамъ; вѣроятно, что это встрѣчается и среди лопарей другихъ погостовъ, но это является уже переживаніемъ, которое вскорѣ либо совсѣмъ выйдетъ изъ употребленія, либо обратится въ „симпатическое“ средство, въ простое суевѣріе. Капища, въ которыхъ недавно сравнительно приносились лопарями жертвы, стоятъ въ настоящее время пустыми, и если, быть можетъ, встрѣчаются еще жертвоприношенія, то они совершаются лишь украдкой; мнѣ, по крайней мѣрѣ, не удалось ничего узнать даже о фактѣ существованія жертвоприношеній, хотя мнѣ и указывали на старинныя капища.

Если такъ быстро измѣнились, рухнули вѣрованія лопарей (это разрушеніе вѣрованій произошло очень недавно, съ тѣхъ поръ, какъ внутри Лапландіи стали строить церкви), то въ правѣ ли мы ожидать богатыхъ данныхъ о колдунахъ? И ихъ слава прошла или потускнѣла, какъ потускнѣла слава боговъ прежнихъ лопарей. За уничтоженіемъ жертвоприношеній и жрецъ оказался лишнимъ. Бубень вышелъ изъ употребленія, сами средства колдовства видоизмѣнились. И если посмотрѣть на современнаго колдуна среди лопарей,

на его дѣятельность,—онъ съ перваго взгляда мало будетъ похожъ на шамановъ, вышедшихъ изъ среды предковъ современныхъ лопарей.

Однако, если взглянуть глубже и провѣрить, какъ самъ лопарь смотритъ на своихъ колдуновъ, какой силой онъ ихъ одаряетъ, хотя эта сила и не выражается подчасъ видимымъ для лопарей образомъ,—мы ясно увидимъ, что современный лопарскій колдунъ лишь нѣсколько болѣе слабый потомокъ прежнихъ чародѣевъ, но потомокъ несомнѣнный, прямой. Уже то обстоятельство, что лопари своего колдуна называютъ *нойдъ*, слѣдовательно, тѣмъ же именемъ, какое придавалось древнему шаману, доказываетъ, что тотъ колдунъ, котораго мы видимъ въ настоящее время среди лопарей, есть лишь нѣсколько видоизмѣненный древнѣйшій шаманъ. Въ качествѣ жреца ему уже не приходится принимать участія, но гаданія, узнаваніе будущаго и т. д. остались его дѣломъ.

Современные нойды въ большомъ числѣ встрѣчаются среди лопарей; они, такъ сказать, разсѣяны по всей лопской землѣ. Но сила ихъ, какъ и древнихъ шамановъ, не одинакова. Въ то время, какъ одни лопари, по словамъ своихъ односельчанъ, являются лишь „маленько колдунами“, другіе прославились на большое пространство, и къ нимъ приходятъ издалека за совѣтомъ и зовутъ ихъ въ отдаленные погосты для излѣченія больного или для гаданія.

Какимъ же образомъ лопарь дѣлается колдуномъ?

Можно имъ быть отъ природы, можно и научиться колдовству, хотя для того, чтобы быть признаннымъ колдуномъ, на сколько мнѣ извѣстно, и не требуется исполненія тѣхъ формальностей, описаніе которыхъ мы видимъ у древнихъ писателей. Обыкновенно же умѣнье колдовать переходитъ по наследству изъ рода въ родъ: отецъ-колдунъ, умирая, оставляетъ умѣнье колдовать либо сыну, либо дочери, „благословляетъ колдовствомъ“, какъ говорятъ лопари. Въ Нотозерскомъ погостѣ, живетъ одна лопарка, по имени Аѳимья Егоровна, жена того Ивана Титова, о которомъ я говорилъ выше. Родомъ она изъ Пазрѣцкаго погоста; ей приписываютъ умѣнье

колдовать, и по поводу способа, которымъ перешло это искусство на Егоровну, существуетъ у лопарей слѣдующій рассказъ, отъ справедливости котораго и сама Егоровна не отрекается: „Когда отецъ Егоровны умиралъ, онъ спрашиваетъ ее: „чѣмъ тебя, Афимьюшка, благословить?“ Она молчитъ. Что-то упало на улицѣ. Отецъ испугался и замололъ что-то и закашлялъ; когда пришелъ онъ въ себя, она и говоритъ: „ты чего испугался? что-то упало на улицѣ“. Онъ и говоритъ: „этимъ-то только я благословляю тебя—больше ничѣмъ не могу“. Съ тѣхъ иоръ она стала пугаться и немного колдовство знаетъ“.

Такого рода передача колдовства отъ отца къ сыну или дочери можетъ имѣть силу сколько угодно поколѣній: знаніе колдовства, являясь собственностью его обладателя, на ряду съ прочимъ семейнымъ имуществомъ переходитъ на наследниковъ; но въ то время, какъ прочее имущество глава семьи не имѣетъ права завѣщать другому лицу помимо семейныхъ, этотъ даръ колдовства онъ можетъ передать и чужому, хотя обыкновенно передаетъ его одному изъ своихъ наследниковъ. Въ этомъ обычаѣ передачи своихъ знаній въ колдовствѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, мы видимъ еще воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда сынъ научался колдовству отъ отца, и такимъ образомъ это знаніе являлось наследственнымъ. Эту эпоху, какъ видно изъ предшествующаго, писатели XVII в. застали еще у скандинавскихъ лопарей, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ скандинавской Лапландіи.

Колдуны въ большой славѣ у лопарей; имъ приписывается большая сила, и масса рассказовъ, ходящихъ въ устахъ лопарей о чудесахъ, произведенныхъ нойдами, служатъ лучшимъ подтвержденіемъ этого. Часть этихъ рассказовъ относится къ далекому прошлому, но, передавая ихъ, лопари и не думаютъ отгнѣять, что современные нойды слабѣе древнихъ. Всякій нойдь, если онъ силенъ, можетъ сдѣлать то, что дѣлали древніе, и если онъ этого не дѣлаетъ, то лишь оттого, что этому не представляется случая или необходимости.

Во всякомъ случаѣ, эти рассказы характерно рисуютъ намъ взглядъ лопарей на ихъ нойдовъ и поэтому я позволю себѣ остановиться на нихъ ¹⁾).

Существуетъ преданіе, что Нотозеро было однажды спасено отъ разорительнаго набѣга чуди одной дѣвкой—нойдою. Однажды нойда сказала своимъ односельчанамъ: „Заготовьте хлѣба и воды на три дня; изъ тупъ (избъ) не ходите—будетъ буря; а меня не будите три дня“. Дѣйствительно, поднялась большая буря съ мятелю, которая длилась три дня. Въ это время нойда спала; когда по прошествіи трехъ дней она проснулась, она сказала: „теперь всѣ мужики идите съ топорами на большой мохъ“. Когда мужики пришли на означенное мѣсто, они увидѣли погибающую въ свѣгу отъ холода чуди: всѣхъ чудиновъ тутъ и побили. Такимъ образомъ побѣгъ чуди не удался.

А вотъ какъ рассказываютъ пазръцкіе лопари о томъ, почему перевелись въ ихъ странѣ дикіе олени. „Жилъ въ Пазръцкѣ нойдъ; ему хотѣлось, чтобы у пазръчанъ было много оленей. Вотъ онъ разъ и сказалъ своимъ друзьямъ: „поѣдемъ на суднѣ въ Швецію, привеземъ оттуда оленей“. Поѣхали съ Вылемскаго наволока (съ устья Пазръцкаго залива) и пристали къ Шведскому берегу. Нойдъ выходя на берегъ, сказалъ своимъ: „я возьму тамъ оленій рогъ и буду грызть: вы не препятствуйте и ничего не спрашивайте“. Съ берега онъ возвратился, держа во рту рогъ, сѣлъ въ лодкѣ на кормѣ, и снова они поѣхали. Олени за нимъ и попали. Онъ грызъ рогъ и дошелъ до вѣтвей его. Тутъ онъ сталъ показывать своимъ спутникамъ, чтобы они отрубили ихъ, но тѣ не поняли его знаковъ. Пріѣхали къ Вылемскому наволоку, нойдъ вышелъ на берегъ и сказалъ: „зачѣмъ не отрубили вы вѣтвей у рога: теперь будутъ у насъ только тѣ олени, которые успѣли зайти въ море, а прочіе останутся, да и пришедшіе

¹⁾ Свѣдѣнія о пазръцкихъ лопаряхъ и послѣдній рассказъ о нойдѣ сообщены мнѣ обязательнымъ настоятелемъ Пазръцкой церкви, отцомъ Константиномъ Щекотиннымъ, за что и позволяю себѣ выразить здѣсь ему мою глубокую признательность.

не долго будутъ жить. Вотъ поэтому и нѣтъ дикихъ оленей“. Кромѣ вѣры въ силу нойда, которая такъ ясно выразилась въ этомъ сказаніи, характернымъ является то, что при совершеніи колдовства, нойдъ не можетъ говорить: онъ долженъ хранить глубокое молчаніе. Въ слѣдующемъ разсказѣ это выражается еще яснѣе. Сила нойдовъ доходитъ здѣсь до высшей степени. Противъ Рыбачьяго наволока лежатъ такъ называемые Айновы острова. О происхожденіи ихъ у лопарскихъ лопарей существуетъ слѣдующее преданіе. Еще до принятія христіанства лопарями въ Печенгскомъ погостѣ славились три брата-силача — нойды. Оленей въ это время было мало, а въ Швеціи ихъ было много. Вотъ братья и сказали матери: „поѣдемъ въ Норвегу, отрѣжемъ кусокъ земли и пріѣдемъ на ней со всѣмъ добромъ и оленями“. Они уѣхали, и мать, спустя долгое время, увидѣла во снѣ, что дѣти возвращаются. Она вышла изъ тупы и услышала шумъ; съ радости она закричала: „вотъ дѣтки ѣдутъ, везутъ живота, быковъ, важенокъ (самка оленя); не даромъ же они говорили“. Когда она прокричала это, сама окаменѣла, окаменѣлъ и весь погостъ (деревня). Земля, на которой, дѣйствительно, подплывали ея дѣти, разорвалась на двѣ части; нойды и олени потонули, а изъ земли, на которой плыли нойды, образовались два острова Айновы, извѣстные морощкою.

Кромѣ этого преданія о происхожденіи Айновыхъ острововъ, существуетъ преданіе, что нойды хотѣли запереть островами входъ въ Печенгскій заливъ, а Кильдинскимъ островомъ входъ въ Кольскій заливъ, для того чтобы сдѣлать непріятность св. Трифону, проповѣдывавшему христіанство въ то время среди лопарей. Когда люди увидѣли подплывающую землю, они закричали: „земля идетъ!“. Земля тотчасъ остановилась, а нойды, плывущіе на ней, тотчасъ окаменѣли.

Кромѣ вѣры, что нойды могутъ отрѣзывать куски земли и на нихъ переплывать съ мѣста на мѣсто, въ этихъ двухъ преданіяхъ ясно выражено, что шумъ при совершеніи колдовства является гибельнымъ для колдуновъ. Въ первомъ преданіи они тонуть, во второмъ обращаются въ камни.

Это воззрѣніе, живущее, какъ видно, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, среди пазрѣцкихъ лопарей, сближаетъ вѣрованія современныхъ лопарей съ древними ихъ скандинавскими со-сѣдами. Аналогичныя преданія записаны и тамъ. Такъ, происхожденіе многихъ священныхъ камней (сейдовъ) объяснялось именно тѣмъ, что чародѣи превращались въ камни. Чародѣи имѣли особую способность сгонять оленей или лѣсныхъ звѣрей для себя и для другихъ. Но, чтобы это удалось, требовалось, чтобы колдованіе происходило при полномъ молчаніи. Если нойдъ произносилъ хоть слово, онъ тотчасъ превращался въ камень. Такъ произошелъ камень, находящійся на берегу Утсьоки. Преданіе гласитъ, что тамъ жилъ извѣстный волшебникъ, который однажды призвалъ заклинаніями къ себѣ оленье стадо. При совершеніи заклинаній онъ запретилъ своему слугѣ нарушать молчаніе. Слуга, увидавъ, что оленье стадо приближается, забылъ запрещеніе своего господина и закричалъ отъ радости: оленье стадо дѣйствительно подошло, но нойдъ былъ обращенъ въ камень ¹⁾).

Оставивъ въ сторонѣ народныя преданія, посмотримъ, чего лопарь можетъ требовать отъ колдуна, на чемъ сосредоточивается его дѣятельность. Конечно, о жертвоприношеніяхъ, въ которыхъ древніе шаманы принимали столь дѣятельное участіе, въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Остальныя функціи остались за нимъ, онъ можетъ приносить добро и зло, можетъ насылать болѣзнь или излѣчивать больного, узнавать будущее, подавать счастье. Въ способность колдуна исполнять всѣ эти задачи лопари вѣрятъ беззаветно. Мало того, иногда случается такъ, что колдунъ помимо своей воли приноситъ добро, если знать способы, какъ заставить его это сдѣлать. Вотъ какой разсказъ сообщилъ мнѣ о. Константинъ Щекординъ; онъ ярко рисуетъ намъ вѣру лопаря въ своего колдуна. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ разсказъ передается лопарями не какъ сказка, а какъ былъ, т. е. какъ фактъ, бывшій въ дѣйствительности, и въ этомъ своемъ зна-

¹⁾ Ерман Archiv XX. стр. 331.

ченіи были онъ пріобрѣтаетъ еще большую цѣну для обрисовки мнѣній и взглядовъ современнаго лопаря.

Быль не очень давно въ Пазрѣкѣ одинъ лопарь, по имени Никита. Онъ былъ раньше хорошій охотникъ, но послѣ по неизвѣстнымъ причинамъ ему не удавалось убить ни одного звѣря, ни птицы; вслѣдствіе этого онъ сталъ чувствовать большую нужду. Однажды изъ Сонгельскаго погоста пріѣхалъ въ Пазрѣку нойдъ; Никита пошелъ къ нему на встрѣчу и пригласилъ къ себѣ въ тупу. Нойдъ былъ къ тому и родственникъ Никитѣ. Вечеромъ онъ его угостилъ. Послѣ ужина для нойда онъ приготовилъ и постель. Когда нойда вышелъ на улицу, Никита положилъ ему внизъ подъ голову, такъ что нойдъ этого не замѣтилъ, рогъ съ порохомъ и пулями. Нойдъ легъ спать. Утромъ нойдъ сталъ въ головахъ у себя перебирать все платье и, наконецъ, дошелъ и до роговъ. Взялъ онъ ихъ въ руки и сказалъ Никитѣ: „Кто тебя научилъ сюда ихъ положить?“— „Бѣсть захочешь, поневолѣ положишь.—“ „Ну, возьми, теперь будешь доставать хорошо“. И дѣйствительно, послѣ этого старикъ съ охоты никогда болѣе не возвращался съ пустыми руками.

Ходятъ лопари къ колдуну также съ просьбой приворожить себѣ кого-нибудь. Характерно то, что къ колдуну обращаются съ этой цѣлью только парни, никогда дѣвушки. Колдуну приносятъ что-нибудь съѣстное, „какой-нибудь дунъ“, на который колдунъ и наговариваетъ. Затѣмъ онъ приноситъ указанной дѣвушкѣ этотъ „дунъ“ какъ бы отъ себя, и та, какъ только съѣстъ, тотчасъ привораживается къ данному парню. Когда колдунъ начинаетъ наговаривать, онъ покрывается самъ и покрываетъ и предметъ, на который онъ наговариваетъ, платкомъ. Самый наговоръ онъ совершаетъ, ушедши въ уголокъ комнаты; по произнесеніи словъ наговора, колдунъ поспѣшно обвертываетъ наговоренный предметъ въ тряпку или бумажку и несетъ его дѣвушкѣ. Случается, конечно, что дѣвушка не рѣшается принять отъ колдуна подарокъ, что дѣлается, впрочемъ, по словамъ лопарей, не изъ страха передъ колдуномъ, а изъ стыдливости;

тогда колдунъ производитъ свой наговоръ вторично и снова несетъ дѣвушкѣ какой-нибудь гостинецъ, пока та не согласится принять подарокъ, или если дѣвушка остается въ своемъ отказѣ непреклонной, нашептываетъ на воду и заставляетъ дѣвушку выпить эту воду.

Обращаются къ колдуну и супруги, живущіе несогласно другъ съ другомъ, что однако встрѣчается рѣдко, такъ какъ въ общемъ супруги здѣсь живутъ обыкновенно очень согласно. Рѣдко вообще можно встрѣтить семью, въ которой мужъ и жена живутъ нехорошо другъ съ другомъ. Но если однако это случилось, то помощникомъ при возстановленіи семейнаго мира является опять-таки колдунъ или колдунья. Производится опять наговоръ, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, съ покрытіемъ себя и наговариваемаго предмета (воды, муки или рыбы) платкомъ; кромѣ того, нойдъ чертитъ ножомъ разныя фигуры на наговариваемомъ предметѣ; послѣ этого наговоренный предметъ дается супругу при первой возможности.

Служить колдунъ также для объясненія непонятныхъ лопарю чудесныхъ явленій, видѣній сновъ и т. п. Къ первымъ лопари имѣютъ особую склонность. Приведу разсказъ, записанный мною буквально со словъ лопарей—быль про ту-же Егоровну, о которой я упоминалъ уже выше. Это было еще тогда, когда Егоровна была лишь невѣстой Ивана Титова. „Отецъ и мать уѣхали въ Колу. Егоровна сидѣла одна и мужику (т. е. жениху) подѣ вѣнецъ каньги (обувь) шила. Солнце было часу на шестомъ. Она сидѣла и шила подѣ окномъ, которое выходило на улицу. Двѣ барышни прилетѣли будто на крыльяхъ. Онѣ прилетѣли и сѣли около нея; барышни въ черныхъ платьяхъ и въ шляпахъ и въ лентахъ, возлѣ нея сѣли и говорятъ: „мы шли, шли—по пути избушка стоитъ; въ той избушкѣ—маленька подружка, порато (очень) маленькая“; и головой качаютъ. Которая постарше барышня, у той ключи въ карманѣ, которыми она и брякаетъ, и старшая сестра брякаетъ въ карманѣ ключами и спрашиваетъ у младшей сестры: „отдать ли этой (Егоровнѣ) ключи?“ Млад-

шая сестра и говорить : „нѣтъ, рано ей еще отдать, не можетъ она владать нашими ключами.“ У младшей сестры руки всѣ въ кольцахъ. Егоровна и спросила: „барышни—въ Колѣ видала я барышень—тѣ колець не носятъ, а у васъ много колець на рукахъ“. Она и говорить: „мы эти кольца даемъ разнымъ лицамъ, кому два, кому три, кому пять, кому и десятокъ. А тебѣ на 23-мъ году даемъ ломанное кольцо, а на 44-мъ году дадимъ тебѣ кольцо—на весь вѣкъ хватить да и послѣ тебя еще останется“. Барышни эти полетѣли опять... эти барышни пришли опять подъ окно и говорятъ: „...смотри, до трехъ лѣтъ не сказывай“, и улетѣли. Егоровна испугалась и занемогла. За рѣвкой тетка живетъ; она ждетъ Егоровну въ гости—та не идетъ: сутки—нѣтъ и другія—нѣтъ. Она пришла провѣдать, а Егоровна лежитъ: волосы растрепаны и сама черная, какъ уголь — въ чемъ душа?.. Тетка поѣхала къ Колѣ на встрѣчу отцу. Встрѣтила и говорить: „что дѣвку-невѣсту бросили всѣ? она въ худыхъ душахъ лежитъ“. Они и говорятъ: „неужто лежитъ?“ Они пріѣхали домой... отецъ маленько колдунъ былъ: у Егоровны онъ кольцо снялъ съ руки и косынку съ головы, а самъ ушелъ въ амбаръ; въ амбарѣ повалился спать, а кольцо и косынку подъ голову положилъ. Видитъ во снѣ, кто-то говорить ему: „кто-то былъ у дочери, но она не можетъ раньше трехъ лѣтъ сказать, а если скажетъ, то съ ней что-нибудь случится“. Онъ и сталъ матери этотъ сонъ рассказывать и говорить: „ей нельзя сказать, не надо и тревожить“. А послѣ трехъ лѣтъ она сказала отцу, какъ были барышни. Онъ и говорить: „Это у тебя дьяволы были: они хотѣли тебѣ колдовства дать—ключи, а только ты молода слишкомъ была. А кольца хотѣли дать—будетъ у тебя на 23-мъ году недоношенный ребенокъ“.

Этотъ рассказъ интересенъ тѣмъ, что, кромѣ того, что онъ рисуетъ намъ способы, къ которымъ прибѣгаетъ колдунъ для узнаванія тайныхъ явленій, онъ даетъ намъ еще представленіе, что колдовство посылается, по мнѣнію лопарей, дьяволомъ. На этомъ послѣднемъ воззрѣніи я остановлюсь

нѣсколько ниже; теперь позволю себѣ еще сказать о способахъ лѣченія болѣзней нойдами.

Дѣло въ томъ, что всѣ нойды имѣють силу посылать то, что лопари называютъ „стрѣлы“, „витряное“,—выражающееся въ колотьяхъ. Это вѣрованіе раздѣляютъ вмѣстѣ съ лопарями и коляне, и русскіе поморы, которые также приписываютъ лопарскимъ колдунамъ эту способность. Въ этомъ мы видимъ переживание взгляда, съ которымъ мы встрѣчались у древнихъ писателей, приписывавшихъ лопарямъ способность насылать тире, ганъ, или свинцовыя копыя.

Если у кого появятся колотья призываютъ нойда, на обязанности котораго и лежитъ узнать прежде всего, кто наслалъ „стрѣлы“; ему даютъ платокъ и серебряный рубль или иную какую либо серебряную монету. Нойдъ завязываетъ ее въ платокъ и, отправляясь спать, кладетъ его подъ ухо; во снѣ онъ кричитъ и поетъ и, проснувшись, объявляетъ, что такой-то напустилъ „стрѣлы“. Больной послѣ этого долженъ сказать: „сними съ меня стрѣлы“. Колдуну даютъ другой платокъ съ деньгами, и онъ снова ложится спать и во снѣ отсылаетъ „стрѣлы“ пославшему ихъ. Больной долженъ послѣ этого выздороветь. Если колдуну не дать денегъ и платка—онъ умретъ, такъ какъ ему нечѣмъ будетъ страхнуть съ себя „стрѣлы“, которыя онъ сгоняетъ съ больного, и болѣзнь должна перейти на него. „Стрѣлы“ же можно страхнуть лишь платкомъ и серебромъ (Нотозеро). Иногда „стрѣлы“ вынимаютъ: ощупываютъ тѣло больного, пока не найдется мѣста, которое болить; найдя его, начинаютъ нажимать его, какъ бы выдавливая что-нибудь; затѣмъ дѣлаютъ видъ, будто вынули иголку, переламываютъ ее и слушаютъ на вѣтеръ. Этотъ способъ практикуется, какъ колдунами, такъ и знахарями и даже простыми лопарями. Парзѣцкіе лопари за труды колдунамъ платятъ платьемъ, оленями или овцами. Денегъ имъ никогда не даютъ, такъ какъ вѣрятъ, что давшій колдуну денегъ навсегда обѣднѣетъ. Въ Нотозерскомъ погостѣ, какъ мнѣ говорили лопари, тотъ платокъ и деньги, которые даются колдуну, поступаютъ въ его собственность.

Особою славою, какъ колдуны, какъ лица умѣющія посылать „стрѣлы“, славятся лопари Сонгельскаго погоста. Ихъ слава въ этомъ отношеніи столь велика, что пазрѣцкіе лопари боятся ихъ и встрѣчаютъ ихъ съ почетомъ: передъ ихъ проѣздомъ непременно хвораютъ нѣсколько жителей Пазрѣвки „витряннымъ“; имъ же приписывается способность вынимать изъ живого оленя сердце и печень.

Остается еще вопросъ: при помощи кого лопарскіе нойды производятъ свои дѣйствія? На этотъ вопросъ, до извѣстной степени, можно было уже отвѣтить, а именно, что у лопарей есть какой-нибудь духъ, который имъ служитъ, такъ какъ мы видѣли этихъ двухъ „барышень“, которыя являлись Егоровнѣ и хотѣли дать ей ключи колдовства, и того колдуна, который во снѣ кричитъ и поетъ, и сгоняетъ тѣмъ „стрѣлы“ съ больного. Подобно тому, какъ древній шаманъ въ безсознательномъ состояніи, вмѣстѣ съ духомъ ему служащимъ, совершалъ далекія путешествія и узнавалъ о причинахъ болѣзни,—такъ и современный нойдъ въ состояніи сна узнаетъ, кто послалъ на больного „стрѣлы“. Кромѣ того, у пазрѣцкихъ лопарей, по словамъ о. Щеколдина, встрѣчаемся съ вѣрованіемъ, что у cadaго нойда есть какой-нибудь духъ. Онъ является ему ночью и лопарь приказываетъ ему сдѣлать то или другое, и духъ исполняетъ порученіе. Когда умираетъ нойдъ, духъ остается свободнымъ, и если колдунъ не завѣщалъ его кому нибудь—онъ идетъ къ разнымъ лопарямъ, предлагая свои услуги; является онъ въ этомъ случаѣ либо въ видѣ юноши, либо дѣвушки; къ такимъ-то оставшимся безъ господина духамъ и слѣдуетъ отнести тѣхъ „барышень“, которыя являлись къ Егоровнѣ.

На Пайасъ-озерѣ ходитъ слѣдующій разсказъ, который выдается лопарями опять-таки за быль. На Пайасъ-озерѣ жилъ лопарь съ женой, не очень еще давно. У нихъ было три сына. Отецъ и мать уѣзжали на озеро промыслять рыбу, а дѣтей оставляли однихъ. Въ отсутствіе родителей ежедневно приходили къ нимъ трое красивыхъ юношей. Когда родители должны были возвратиться, юноши уходили и го-

ворили мальчикамъ: „когда вы вырастете большими, мы будемъ жить вмѣстѣ, неразлучно, будемъ товарищами. Вы только отцу и матери не говорите, что мы ходимъ къ вамъ и что вамъ говоримъ“. Однако меньшей сынъ разъ какъ-то разсказалъ родителямъ о происходящемъ въ ихъ отсутствіи. Тѣ испугались, чтобы дѣтей у нихъ не укралъ кто-нибудь, и поэтому переѣхали вмѣстѣ съ тупой на другую сторону озера. Юноши болѣе не показывались. Но вскорѣ всѣ три сына умерли. Тогда родители догадались, что подъ видомъ трехъ юношей приходили дьяволы, оставшіеся послѣ смерти какого-нибудь нойда, и хотѣли имъ служить, но такъ какъ родители уѣхали, то и духи ихъ оставили.

Древніе писатели, трактовавшіе о лопаряхъ и о ихъ шаманахъ, ничего не передали намъ, каковы были вѣрованія лопарей, сопряженныя съ нойдомъ послѣ его смерти. Что касается современныхъ русскихъ лопарей, то колдунъ остается опаснымъ и послѣ смерти, и даже будучи уже покойникомъ можетъ вредить людямъ. Приведу здѣсь разсказъ пазрѣцкихъ лопарей о смерти одного колдуна,—разсказъ, который въ своей безыскусственной формѣ повѣдаетъ намъ прямо изъ устъ лопарей, чѣмъ страшнѣе колдунъ послѣ своей смерти. Позволяю себѣ привести этотъ нѣсколько длинный разсказъ цѣликомъ.

Жилъ въ Нотозерѣ нойдъ, по имени Ризъ. Онъ много портилъ людей, а многимъ и пособлялъ. Наконецъ, подъ старость и самъ онъ занемогъ. Всѣ думали, что онъ поправится, но вышло иначе. Черезъ нѣсколько времени онъ умеръ и его стали бояться всѣ еще больше, чѣмъ живаго. Гробъ ему таки сдѣлали и туда положили, но везти хоронить никто не соглашался, потому что, какъ колдунъ, онъ могъ дорогой встать и другого съѣсть. Не смѣли его везти хоронить даже и сыновья. Наконецъ, одинъ таки, подобный ему, также нойдъ, нашелся и за назначенную плату повезъ хоронить покойника. Выѣхалъ онъ съ нимъ вечеромъ, чтобы утромъ или днемъ похоронить. Сперва ѣхалъ онъ на оленяхъ хорошо, но около полуночи вдругъ, ни съ того, ни съ сего,

олени испугались. Онъ посмотрѣлъ впередъ, на стороны, но нигдѣ никого не видно и не слышно. Оглянувся назадъ и увидѣлъ, что мертвецъ сидитъ. Ему сдѣлалось страшно, но онъ, какъ колдунъ, сейчасъ закричалъ ему: „когда умеръ—ложись!“ Мертвецъ его послушался—легъ. Черезъ нѣсколько времени олени опять испугались. Онъ посмотрѣлъ опять назадъ и видитъ, что *яммій* (мертвецъ) опять сидитъ. Онъ выскочилъ изъ кережи (саней), выхватилъ изъ-за пояса ножъ и сказалъ: „ложись, а не то я тебя зарѣжу, если не повалишься“. У покойника, при видѣ ножа, зубы сдѣлались желѣзными, и поэтому Опасъ (возница) пожалѣлъ, что показалъ ножъ. Нужно было показать палку или полѣно и тогда зубы сдѣлались бы деревянными. Мертвецъ, однако, и на этотъ разъ легъ. Опасъ поѣхалъ впередъ, но онъ теперь зналъ, что если встанетъ яммій въ третій разъ, тогда его съѣсть, и поэтому онъ подѣхалъ къ большой ели, соскочилъ съ кережи, привязалъ оленей въ сторону, а самъ послѣ этого сталъ поспѣшно ползти вверхъ по дереву. Наконецъ, онъ добрался до вершины, а яммій—нойдъ въ это время всталъ и вышелъ изъ кережи. Зубы желѣзные чернѣли и скрипѣли, а руки были на груди такъ же, какъ и были сложены на крестъ, благословясь. Яммій подошелъ къ ели, обошелъ ее нѣсколько разъ кругомъ и сталъ грызть ель. Сперва онъ грызъ сучья и это сдѣлалъ скоро. Наконецъ, сталъ грызть и стволъ. Грызъ онъ, какъ росомаха, и отъ острыхъ зубовъ летѣли крупныя щепки. Грызъ онъ бойко и, наконецъ, ель стала почти шевелиться. Опасъ увидѣлъ, что дѣло плохо, поэтому на вершинѣ сталъ самъ ломать сучья у ели и бросать ихъ внизъ. Яммій, увидавъ это, подумалъ, что ель падаетъ и пересталъ грызть. Такъ опасъ нѣсколько разъ отвлекалъ его отъ работы. Опасъ это дѣлалъ для того, чтобы ель не упала до зари, а съ зарею, онъ зналъ, что яммій долженъ лечь—умереть. Сучья наконецъ пособлать не стали: яммій догадался и сталъ грызть безъ остановки. Опасъ послѣ этого запѣлъ по пѣтушья для того, чтобы покойникъ испугался и подумалъ, что начинается утро. Пѣлъ опасъ такъ нѣсколько разъ, и мертвецъ послѣ

каждаго раза смотрѣлъ туда, гдѣ должна быть заря, и, не видя ея, продолжалъ грызть. Опась, увидавъ, что ничѣмъ не можетъ остановить, испугался. Онъ рѣшился потихоньку спускаться, съ мыслию, что мертвецъ, увидя это, подумаетъ, что онъ поддается ему самъ. Яммій, дѣйствительно, пересталъ грызть и сталъ дожидаться. Такъ онъ спускался тихонько. Наконецъ, показалась заря и опась закричалъ: „пришла заря—поди въ свой гробъ“. Нойдъ-яммій увидѣлъ зарю, испугался, пошелъ къ кережѣ и легъ въ гробъ. Опась сошелъ съ ели, закрылъ гробъ, припрягъ оленей и повезъ его къ мѣсту, гдѣ должно было его похоронить. Приѣхавъ туда скоро, вырылъ могилу и гробъ опустил на бокъ, чтобы яммій не могъ встать; онъ зналъ, что если нойда положить въ могилу на спину или вверхъ спиной, онъ по ночамъ будетъ вставать. Могилу онъ зарылъ и скорѣй пошелъ назадъ. Приѣхавъ и и рассказалъ все, какъ было; народъ сталъ бояться. Боялись даже въ первые 6—7 лѣтъ послѣ его смерти ходить мимо его могилы, и тѣ, которые ходили мимо, слышали, что будто тамъ въ могилѣ кто-то плачетъ или воетъ. Разъ мимо его могилы, въ мѣстѣ Ристъ-Кидъ, проходили молодые ребята и смѣялись, говоря: „былъ большой нойдъ, да тутъ и легъ“. Когда они отошли съ версту отъ могилы, вдругъ услышали, что за ними будто кто-то ѣдетъ, даже земля дрожитъ. Они испугались. Одинъ былъ изъ нихъ не простой и догадливый: онъ вырубилъ ольховый батогъ-палку и сдѣлалъ имъ на землѣ крестъ. Нойда, добѣжавъ до этого мѣста, перейти не могъ и обходилъ стороною далеко. Они же въ это время бѣжали впередъ и какъ только слышали погоню, опять дѣлали на дорогѣ крестъ палкой. Такъ они добѣжали до р. Туломы, гдѣ былъ карбасъ (лодка). Они стянули его съ горы въ воду и поѣхали отъ берега. На берегу въ это время услышали большой стукъ и увидѣли, что въ воду упали словно два большихъ камня и утонули. Ребята приѣхали домой совѣшь перепуганные и послѣ сказали другимъ, чтобы не смѣялись, если не хотятъ попасть на зубы нойда.

Таковы вѣрованія лопарей въ колдуновъ-нойдовъ. Вгля-

дѣвшись въ нихъ ближе, мы видимъ, что въ основѣ они остались тѣми же, какими ихъ намъ рисуютъ древніе писатели у лопарей скандинавскихъ. Но все-таки вѣковое исповѣданіе христіанства, усвоиваемое хотя бы лишь съ внѣшней стороны, низвело ихъ на значительную низшую степень. И между жрецомъ главой рода, и могущественнымъ шаманомъ древнихъ временъ и современнымъ колдуномъ—у русскихъ лопарей огромная разница. Но все-таки мы и въ современныхъ русско-лопарскихъ колдунахъ видимъ лишь потомковъ, хотя и болѣе слабыхъ, древнихъ шамановъ: мы можемъ прослѣдить, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, постепенный ходъ развитія колдовства у лопарей, сначала въ пользу шамановъ, которые постепенно узурпируютъ жреческія обязанности изъ рукъ главы семьи, затѣмъ постепенный упадокъ подъ вліяніемъ новыхъ идей.

Но каковы бы ни были нойды у современныхъ русскихъ лопарей, какъ бы ни блѣдны были отблески славы древнихъ шамановъ на нихъ, они все-таки сильно чтутся лопарями: ихъ опасаются и русскіе, вѣрящіе слѣпо въ ихъ силу. И если Лапландія еще въ Калевалѣ называется „мрачной страной чародѣевъ“, то и въ настоящее время ей этотъ эпитетъ не будетъ лишнимъ.

Николай Харузинъ.